

ТАМБОВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ

ВЪ ДОМОСТИ.

15 ЮЛЯ

№ 14.

1867 ГОДА.

Выходятъ два раза въ мѣсяцъ: 1 и 15 числа, съ Юля 1861 года за годовое изданіе 4 р. 25 к. сереб. съ пересылкою.

Подписка принимается въ Редакціи Вѣдомостей при Тамбовской Духовной Семинаріи и у всѣхъ Благочинныхъ Тамбовской Епархіи.

Землины Тамбовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей за прежніе года могутъ получать въ той же Редакціи, по 2 руб. 50 коп. за каждый годъ.

I.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, АЛЕКСАНДРЪ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ

ВСЕРОССИЙСКІЙ,

ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ,

И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ НАШИМЪ подданнымъ.

Любезнѣйшая Племянница НАША Великая Княжна Ольга Константиновна, съ согласія Родителей Ея, Любезнѣйшихъ: Брата НАШЕГО Великаго Князя Константина Николаевича и Невѣстки Великой Княгини Александры Лосиловны, вступаетъ въ бракъ съ Его Величествомъ Королемъ Эллиновъ Георгіемъ I-мъ. Изъявивъ и НАШЕ совершенное согласіе на сей брачный союзъ и призывая на оный благословеніе Божіе, МЫ, сего дня, въ Церкви Царскосельскаго Дворца, при собраніи Духовныхъ и Свѣтскихъ Особъ, торжественно обручили, по обрядамъ НА-

ШЕЙ Православной Церкви, сію Любезную НАМЪ чет
 Возвѣщая всенародно о такомъ пріятномъ для сер
 дца НАШЕГО событіи, МЫ вполне увѣрены, что всѣ вѣ
 ные НАМЪ подданные примутъ въ немъ участіе съ
 постоянно отличающимъ ихъ чувствомъ непоколебимой пр
 верженности къ НАМЪ и всѣмъ Членамъ ИМПЕРАТО
 РСКАГО НАШЕГО Дома.

Данъ въ Царскомъ Селѣ, въ 26-й день Іюня, въ 1867
 то отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ шесть
 сять седьмое, Царствованія же НАШЕГО въ тринадцат

На подлинномъ Собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКА
 ГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою подписано:

«АЛЕКСАНДРЪ.»

УКАЗЫ СВЯТѢЙШАГО ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО
 СУНОДА:

а) отъ 10 мая 1867 года. *О дозволеніи приобрѣтать
 мѣсть 5⁰/₀ банковые билеты на суммы, поступающ
 по завѣщаніямъ въ пользу духовныхъ учреждений и
 значенія для внесенія въ кредитныя учрежденія
 вѣчныя времена.*

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
 Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали рапор
 Преосвященнаго Полтавскаго о дозволеніи приобрѣтать
 мѣсть 5⁰/₀ банковые билеты на суммы, поступающія
 завѣщаніямъ въ пользу духовныхъ учреждений и назн
 емья для внесенія въ кредитныя учрежденія на вѣч
 времена. Приказали: Такъ какъ 5⁰/₀ билеты Государ
 веннаго Банка даютъ на вклады 1⁰/₀ болѣе, чѣмъ 4⁰/₀
 прерывно-доходные билеты, то посему приобрѣтеніе би
 товъ сего рода на завѣщанныя въ пользу духовныхъ
 учреждений суммы, конечно, выгоднѣе для сихъ учре
 ній, чѣмъ покупка 4⁰/₀ непрерывно-доходныхъ билето

притомъ, хотя 5% банковые билеты погашаются въ теченіи 37 лѣтъ, начиная съ 1861 года, но вынутые въ тиражъ 5% билеты удобно могутъ быть обмѣниваемы на другія процентныя бумаги, какія по времени окажутся болѣе выгодными, слѣдовательно суммы, поступавшія въ духовное вѣдомство по завѣщаніямъ для внесенія въ кредитное установленіе на вѣчныя времена, будутъ непрерывно находиться въ обращеніи и приносить выгоду 5%; кромѣ того, въ обмѣниваемыхъ бумагахъ каждый разъ можно обозначать волю завѣщателей относительно заключающихся въ тѣхъ бумагахъ суммъ, и такимъ образомъ назначеніе оныхъ останется неизмѣннымъ, а воля завѣщателей ненарушимою. Вслѣдствіе сего Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: разрѣшить Полтавскому Епархіальному Начальству назначаемыя по завѣщаніямъ для внесенія въ кредитныя учрежденія на вѣчныя времена въ пользу подвѣдомыхъ оному духовныхъ учреждений суммы, пріобрѣтать пяти-процентныя банковые билеты на мѣстѣ, но съ тѣмъ, чтобы эти билеты были Государственные, а не частныхъ банковъ, и чтобы при покупкѣ ихъ руководствовались официальной справкою обиржевой цѣнѣ изъ мѣстныхъ губернскихъ Отдѣленій Государственнаго Банка, а за тѣмъ предоставить Преосвященнымъ и по прочимъ Епархіямъ, если признаютъ то выгоднымъ и полезнымъ, обмѣнивать подобнымъ же сему образомъ завѣщанныя на изложенныхъ условіяхъ въ пользу духовныхъ учреждений суммы.

б) Отъ 14 Іюня 1867 года. *Объ оставленіи безъ послѣдствій ходатайства, о награжденіи нѣкоторыхъ Священниковъ знаками отличіяно Тамбовской епархіи.*

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали представленія Преосвященныхъ Епархіальныхъ архіереевъ о наг-

ражденіи подвѣдомственныхъ имъ духовныхъ лицъ за отличную и ревностную службу. Приказали: на основаніи бывшихъ разсужденій представленіе о награжденіи по епархіи Тамбовской: протоіерея Петра *Егоровскаго* и священниковъ: Алексѣя *Архангельскаго*, Іоанна *Кобякова*, Михаила *Черниевскаго*, Матвѣя *Николаевскаго* и Іоанна *Матвеева*, оставить безъ послѣдствій; о чемъ и дать знаніе указомъ по принадлежности Его Преосвященству.

в) Отъ 15 Іюня 1867 года. *О преподаваніи благословенія Святѣйшаго Сѹнода лицамъ сдѣлавшимъ болѣе значительныя пожертвованія въ пользу церквей и духовенства Тамбовской епархіи въ 1866 году и церковнымъ старостамъ, проход яцимъ службу съ особенного поощренія для церквей.*

Святѣйшій Правительствующій Сѹнодъ слушали представленіе Его Преосвященства, Преосвященнаго *Теодосія*, епископа Тамбовскаго и Шацкаго отъ 6 марта сего 1867 года, съ именованнымъ спискомъ лицъ, сдѣлавшихъ въ 1866 году, въ пользу церквей Тамбовской епархіи, болѣе другихъ значительныя пожертвованія. Приказали: согласно съ ходатайствомъ Его Преосвященства, поименованнымъ въ представленномъ имъ списокѣ лицамъ, за усердіе ихъ къ храмамъ Божіимъ, преподать благословеніе Святѣйшаго Сѹнода.

Значившіяся въ представленномъ списокѣ лица были нижеслѣдующія:

1) Титулярный Совѣтникъ *Петръ Козминъ Теодуловъ*, пожертвовалъ въ пользу Черниева монастыря билетъ 1 внутренняго съ выигрышами займа во 100 р.

2) Церковный староста с. Балыклея *Кирсановъ*. уѣзда временно-обязанный крестъ-

Янинъ Николай *Бородинъ*, на исправленіе ветхостей и украшеніе приходскаго храма употребилъ собственнаго капитала свыше 1000 р.

3) Помѣщикъ Задонскаго уѣзда, Коллежскій Регистраторъ, Ѳедоръ Николаевъ *Гаршинъ*, на устройство иконостаса во вновь устрояемой въ с. Савицкомъ Усманскаго уѣзда церкви вмѣсто сгорѣвшей . . . 400 р.

4) Штабсъ Капитанша Зинаида *Гилевушева* въ Архангельскую церковь с. Мордова Усманскаго уѣзда церковной утвари на . . . 300 р.

5) Помѣщикъ Иванъ Павловъ *Оленинъ*, на иконостасъ во вновь устроенную въ селѣ Власовкѣ Борисоглѣбскаго уѣзда церкви пожертвовалъ . . . 300 р.

6) Церковный староста Ильинской церкви г. Кирсанова купческій сынъ Семень *Досумликовъ*, на починку церкви и пріобрѣтеніе церковной утвари въ теченіи 3-хъ лѣтъ своего срока службы своей пожертвовалъ свыше . . . 2000

7) Шацкій 2 гильдіи купецъ Егоръ Александровъ *Розановъ* на устройство иконостаса и исправленіе ветхостей въ тамошней Николаевской церкви пожертвовалъ . . . 986 р.

8) Тамбовскій Почетный Гражданинъ Андрей Михайловъ *Посовъ* въ Архангельскую церковь с. Ивановки Борисоглѣбскаго уѣзда, церковной утвари, ризницы и колоколь . . . 1400 р.

Онъ же въ пользу причта сей же церкви, на поминовеніе родственниковъ, 50 десятинъ земли, на сумму приблизительно . . . 2500 р.

9) Коломенскіе купческіе братья

Иванъ и Михаилъ *Шкарины*, во вновь строю- щуюся въ с. Архангельскомъ Борисоглѣб- скаго уѣзда, церковной утвари и ризницы на 448 р.

10) Въ Богословскую церковь г. Темни- кова отъ церковнаго старосты оной купече- скаго сына Ивана Ильина *Коробков* а на пе- рестройку церкви 700 р.

11) Въ пользу церкви с. Новаго Тар- бѣва Козловскаго уѣзда отъ неизвѣснаго 100 р.

12) Церковный староста г. Тамбова Архангельской церкви, мѣщанинъ Григорій *Блабинъ*, прослуживъ въ сей должности 14 лѣтъ, пожертвовалъ въ оную церковь 500 р.

13) Г. Темникова Богословской церкви староста купеческій сынъ Иванъ *Коробковъ* прослужилъ 8 лѣтъ со пожертвованіемъ 5,749 р.

14) Г. Темникова церкви Всѣхъ Святыхъ староста купецъ Димитрій *Даниловъ*, про- служилъ 14 лѣтъ, съ пожертвованіемъ на 5,995 р.

15) Темниковскаго уѣзда с. Новоселокъ церковный староста государств. крестья- нинъ Иванъ *Боцкаревъ* прослужилъ 10 лѣтъ, съ пожертвованіемъ 230 р.

16) Г. Елатымы Вознесенской церкви староста мѣщанинъ Петръ *Забозлаевъ*, про- служилъ 17 лѣтъ, съ пожертвованіемъ 165 р.

17) Елатомскаго уѣзда с. Богоявлен- скаго Погоста церковный староста государ- ственный крестьянинъ Леонтій *Скуратовъ*, прослужилъ 20 лѣтъ, пожертвовалъ и при- обрѣлъ отъ другихъ на 9,000 р.

18) Тогожь уѣзда с. Колтырина цер- ковный староста крестьянинъ-собственникъ

Павель *Морюшинъ*, прослужилъ 16 лѣтъ съ пожертвованіемъ на 300 р.

19) Г. Шацка Рождественской церкви староста степенный гражданинъ Яковъ *Чубаровскій*, прослужилъ 7 лѣтъ, съ пожертвованіемъ на 700 р.

20) Липецкаго уѣзда села Кузовлева церковный староста государ. крестьянинъ Даниль *Сынковъ*, прослужилъ 20 лѣтъ, съ пожертвованіемъ на 160 р.

21) Борисоглѣб. уѣзда села Мучкапа церковной староста государственный крестьянинъ Ѳедоръ *Сидоровъ*, прослужилъ 20 лѣтъ, съ пожертвованіемъ 25 р.

22) Тамбовскаго уѣзда села Земятчины церковный староста мѣщанинъ Павель *Напалковъ*, прослужилъ 9 лѣтъ съ пожертвованіемъ на 5,000 р.

23) Моршанскаго уѣзда села Сосновки церковный староста маіоръ Иванъ Егоровъ *Семеншинъ*, прослужилъ 9 лѣтъ, съ пожертвованіемъ на 4,000 руб.

24) Козловскаго уѣзда села Панской Слободы, церковный староста, государствен. крестьянинъ Діонисій *Михайловъ*, прослужилъ 19 лѣтъ, съ пожертвованіемъ на 300 р.

25) Кирсановскаго уѣзда села Рудовки церковный староста государственный крестьянинъ Авксентій *Акатушевъ*, прослужилъ 15 лѣтъ, съ пожертвованіемъ на 2000 р.

26) Темниковскаго уѣзда села Чермыкъ церковный староста временнообязанный крестьянинъ Михаилъ *Морозовъ*, прослужилъ 15 лѣтъ, съ пожертвованіемъ на 5,736 р.

По слушаніи сего указа Епархіальнымъ Начальствомъ постановлено: Для объявленія поименованнымъ въ вышележащемъ спискѣ лицамъ, о преподаніи имъ благовѣнія Св. Синода, за оказанныя ими благочестивыя почитанія въ 1866 году и за усердную службу, и именинаго списка припечатать въ Тамбовскихъ Епархіальныхъ Домостаяхъ.

УКАЗЪ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА.

О производствѣ въ чины, по Тамбовской Духовной Консисторіи.

Указомъ Правительствующаго Сената, (по Департаменту Герольдіи) отъ 6 Іюня 1867 года № 114, произведены въ *Титулярные Советники*—*Коллежескіе Секретари*, Старики, начальники, *Николай Преображенскій*, съ 15 Февраля, *Абрамъ Жасминовъ*, съ 9 Іюля 1866 года.

Въ *Коллежескіе Секретари*,—*Губернскіе Секретари* и Канцеляріи Чиновники: *Василій Ростошинскій*, съ 22 Мая, *Александръ Челнавскій*, съ 11 Іюля 1866 года.

Въ *Губернскіе Секретари*—*Канцеляріи Чиновникъ* и *Коллежескій Регистраторъ* *Петръ Колмеєвъ*, съ 13 Декабря 1866 года.

Въ *Коллежескіе Регистраторы*—*Канцелярскіе Служащіе*: *Василій Крюковъ*, съ 1 Мая и *Димитрій Успенскій*, съ 18 Октября 1866 года.

(Сенат. Вѣд. № 48)

II.

ИЗВѢСТІЯ И ОБЪЯВЛЕНІЯ.

СПИСОКЪ ДУХОВНЫХЪ ЛИЦЪ ТАМБОВСКОЙ ЕПАРХІИ, ВЪ 14 ДЕНЬ МИНУВШАГО МАЯ, ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕ УДОСТОВЕННЫХЪ ЗНАКАМИ ОТЛИЧІЯ, ЗА ОТЛИЧНО-УСЕРДНУЮ СЛУЖБУ.

1) *Орденомъ Св. Анны 2-й степени съ Императорскою короною:*

г. Моршанска, соборной церкви протоіерей Андрей *Воскресенскій*.

2) *Наперсными крестами отъ Святѣйшаго Синода выдаваемыми.*

Тамбовскаго Архіерейскаго Дома Экономъ іеромонахъ *Серафимъ* и Духовникъ іеромонахъ *Смарагдъ*.

г. Моршанска Вознесенской церкви священникъ *Димитрій Солертинскій*; г. Кадома Соборной церкви протоіерей *Семеонъ Башковъ*; Елатомскаго уѣзда с. Богоявленскаго Погоста священникъ *Николай Алебраистовъ*; Кирсановскаго уѣзда с. Трескина священникъ *Георгій Пивницкій*; Тамбовскаго уѣзда с. Ольшанки священникъ *Павель Воскресенскій*.

3) *Камилавками:*

г. Тамбова Троицкой церкви протоіерей *Іоаннъ Перерезевъ* и священникъ *Іоаннъ Новосельскій*.

г. Темникова Рождества Богородицкаго женскаго Монастыря священникъ *Матвей Тихорскій*; г. Липецка Успенской церкви священникъ *Димитрій Болховитяновъ*; Борисоглѣбскаго уѣзда сель: *Уварова Алексѣй Добровольскій*, *Чигорака Іаковъ Голубевъ* и *Верхняго Чуева Іаковъ Херувимовъ*; Спасскаго уѣзда сель: *Саввы Іоаннъ Ромацовскій* и *Новыхъ Выселогъ Іоаннъ Братановскій*; Моршанскаго уѣзда сель: *Большой Липовки Ѳедоръ Виноградовъ*, *Нижней Ярославки Іоаннъ Пятницкій*; и *Мамонтова Петръ Магницкій*. Кирсановскаго уѣзда сель: *Паревки Іоаннъ Ястребцовъ* и *Соколова Алексѣй Любимовъ*; Усманскаго уѣзда села *Бреславки Алек-*

сандръ *Студенецкій*; Козловскаго уѣзда с. Изберденъ Алексѣй *Димитревскій*; Тамбовскаго уѣзда села Димитріевскаго Михайль *Гавриловскій*, Елатомскаго уѣзда с. Мачиль Григорій *Чижовъ*.

4) Скуфьями:

г. Тамбова Знаменской ц. священникъ Викторъ *Орловскій*; г. Усмани Софійскаго монастыря—Стефанъ *Орловскій*; г. Темникова Троицкой церкви Георгій—*Тихомировъ*; Кирсанова Соборной церкви—Петръ *Козловскій*; г. Шадринскаго Рождественской ц.—Стефанъ *Грановъ*; г. Лебедяни Соборной церкви—Трофимъ *Калаусовскій*; Тамбовскаго уѣзда сель: Протасовки Александръ *Викторовъ*, Покровскаго Михайль *Виноградовъ*, Троицкой Дубровы Алексѣй *Григорьевскій*,—Сухотина Петръ *Поповъ* и Большеникольскаго Акинфій *Казанскій*; Моршанскаго уѣзда сель: Землячки Никита *Громковскій*, Островки Афанасій *Никольскій* и Рязанскаго—*Феофанъ Кротковъ*; Борисоглѣбскаго уѣзда сель: Борова Михаилъ *Воскресенскій*, Малыхъ Алабуховъ Корней *Громковскій*, Ростошей Алексѣй *Разумовъ*; Козловскаго уѣзда сель: Борщевой Слободы Іоаннъ *Владиміровъ* и Подольскаго Іоаннъ *Смолевъ*; Шадринскаго уѣзда—с. Федяева Павелъ *Трескинъ*; Елатомскаго уѣзда сель: Большаго Кусмора Павелъ *Кандійскій* и Шевалеевскаго Майдана Петръ *Купленскій*; Лебедянскаго уѣзда с. Кузминки Стефанъ *Троицкій*; Усманинскаго сель: Княжой Байгоры Косма *Рождественскій*; Лебедянской Матренки Николай *Лебедевъ*, Бѣляева Петръ *Христовъ* и Пластицы Петръ *Слободскій*; Спаскаго уѣзда с. Покровскихъ Селищъ Василій *Феодоровъ*, Боковаго Майдана Максимъ *Марковъ*, Бадикова Іоаннъ *Потатьевскій*, и Покровскихъ Селищъ Іоаннъ *Митропольскій*; Кирсановскаго уѣзда с. Покровской Иры Стефанъ *Вышневскій*; Темникова уѣзда села Акаева Андрей *Остроумовъ*; Липецкаго уѣзда сель: Малого Самовца Борисъ *Назаровъ* и Крутаго Майдана Іоаннъ *Богоявленскій*.

ОТЪ СКОПИНСКАГО ГОРОДСКАГО ОБЩЕСТВЕННАГО БАНКА.

Банкъ принимаетъ изъ всѣхъ мѣстностей Россіи вклады, отъ присутственныхъ мѣстъ, должностныхъ и частныхъ лицъ, монастырей, церквей, городскихъ, сельскихъ и акціонерныхъ обществъ. Вклады принимаются отъ вкладчиковъ лично и чрезъ почту, на неопредѣленное время, т. е. до востребованія и на сроки отъ трехъ до двѣнадцати лѣтъ и на вѣчное время. Проценты выдаются на вклады безсрочные по *пяти* руб. на *сто* въ годъ, а на вклады срочные по *шести* руб. на *сто* въ годъ, на вклады внесенные на вѣчное время по *шести съ половиною* руб. на *сто* въ годъ. Сверхъ того Банкъ принимаетъ вклады на текущій счетъ, съ выдачею процентовъ по *пяти* руб. на *сто* въ годъ. Вклады возвращаются и проценты на нихъ выдаются вкладчикамъ наличнымъ—въ тотъ же день, а находящимся въ отлучкѣ—съ первою почтой. Для доставленія болѣе удобствъ при переводѣ капиталовъ изъ другихъ кредитныхъ установленій въ сей Банкъ на процентное обращеніе, Банкъ принимаетъ на себя обязанность истребовать, откуда слѣдуетъ, по билетамъ кредитныхъ учреждений, слѣдующія деньги. На билетахъ, если они именные, владѣльцы ихъ должны сдѣлать засвидѣтельствованную присутственнымъ мѣстомъ надпись о предоставленіи Банку права на истребованіе, откуда слѣдуетъ, по тѣмъ билетамъ, слѣдующей суммы; безыменные же билеты кредитныхъ установленій представляются въ Банкъ безъ всякихъ на нихъ надписей. На вклады, билеты выдаются вкладчикамъ сообразно ихъ желанія, именные или безыменные, но съ тѣмъ, чтобы каждый вкладъ на именной билетъ былъ не менѣе пятидесяти рублей, а на билетъ безыменный не менѣе трехъ сотъ рублей.

Прим. Вклады вносятся въ Банкъ при объявленіяхъ, писанныхъ по слѣдующей формѣ: Въ Скопинскій Городской

Общественный Банкъ. Отъ такого то объявленія представляя при семъ въ Банкъ столько то рублей для приращенія процентами на такой то срокъ (три, на четыре, на пять и т. д. до двѣнадцати или до востребованія) прошу Банкъ выслать на имя, или на имя неизвѣстнаго, билетъ въ такое мѣсто, число, мѣсяцъ, годъ и подпись. Если вносится съ какими либо условіями, наприм. о доставленіи вклада или съ него процентонъ въ пользу родственниковъ, или на предметы благотворительности и проч. то таковыя условія должны быть объяснены въ объявленіи; если вкладъ вносится на вѣчное время, то вкладчикъ долженъ въ объявленіи сълать положительное указаніе Банку, относительно платежа на вѣчный вкладъ процентовъ и объяснить при томъ, предоставляетъ ли онъ себѣ право, въ теченіе своей жизни, перемѣнить условія относительно вѣчнаго вклада, или таковыя должны оставаться неизмѣнными. Вклады церковныхъ суммъ въ Скопскій Банкъ вносятся изъ Рязанской и прочихъ Епархіи на основаніи ВЫСОЧАЙШЕ утвержденного 14 Октября 1865 года опредѣленія Святѣйшаго Престольствующаго Синода, которымъ предоставлено право всѣмъ церковнымъ причтамъ, церковныя копеечныя суммы самимъ отсылать въ Банкъ, для приращенія процентами, не обращаясь къ посредству Епархіальнаго Начальства.

Банку ввѣренные вклады, сообразно ВЫСОЧАЙШЕ утвержденному Банковому положенію, обезпечиваются только основнымъ Банковымъ капиталомъ, но всѣмъ состояніемъ Скопинскаго градскаго общества, простирющимся на нѣсколько милліоновъ рублей. Билеты Скопинскаго банка, какъ не подлежащіе ни въ какомъ случаѣ мѣненію въ своей нарицательной стоимости, принимаются

Правительством наравнѣ съ наличными деньгами, въ той суммѣ, на которую они выданы, по казеннымъ подрядамъ и поставкамъ. Вкладчики, усматривая значительную для себя пользу отъ возвышенія Банкомъ процентовъ на вклады противъ другихъ кредитныхъ учрежденій, и сознавая при томъ, что законъ изъясненный въ Банковомъ положеніи, одинаково съ другими кредитными мѣстами благонадежно гарантируетъ вклады Скопинскаго Банка, внесли въ короткое время въ Банкъ вкладовъ на весьма значительную сумму, такъ что годовой оборотъ Банка простирается въ настоящее время свыше *трехъ милліоновъ* руб. Вклады поступаютъ отъ присутственныхъ мѣстъ, отъ должностныхъ всѣхъ вѣдомствъ и отъ частныхъ всѣхъ сословій лицъ, отъ обществъ, церквей и монастырей: изъ Рязанской, Московской, Тверской, Тамбовской, Ярославской, Воронежской, Тульской, Казанской, Вологодской, Симбирской, Владимірской, Вятской, Саратовской, Черниговской, Смоленской, Екатеринославской, Калужской, Кіевской, Костромской, Курской, Могилевской, Нижегородской, Новгородской, Орловской, Пензенской, Пермской, Полтавской, Самарской, Ставропольской, Псковской, Харьковской, Херсонской, Архангельской, Астраханской, Бакинской, Витебской, Виленской, Гродненской, Иркутской, Подольской, Ковенской, Енисейской, Минской, Волынской, Олонецкой, С. — Петербургской, Курляндской, Лифляндской, Тифлисской, Таврической, Кутайской, Тобольской, Томской, Эстляндской, Эриванской губерній; Якутской, Оренбургской, Киргизской, Амурской, Бессарабской, Дагестанской, Забайкальской, Семипалатинской, Кубанской, Терской, Мингрельской областей, Земли Войска Донскаго, Восточной Сибири, Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго. При такомъ всеобщемъ довѣрїи къ Банку, онъ развился такъ быстро, какъ не развивался еще ни одинъ общественный Банкъ. Онъ на своей основной капи-

талъ, за 1866 годъ, получилъ дивиденда болѣе ста процентовъ на рубль; въ такомъ размѣрѣ дивиденда на основаніи капитала не получало до сихъ поръ ни одно кредитное учрежденіе.

Банкъ принимаетъ къ учету векселя отъ лицъ всѣхъ сословій, имѣющихъ по закону право обязываться векселями и извѣстныхъ Банку своею состоятельностью. Учетная операція ограничивается годовымъ срокомъ; сверхъ того Банкъ выдаетъ ссуды подъ залогъ процентныхъ бумагъ, пользующихся правительственною или общественною гарантіею, товаровъ, вещей, земли, находящейся въ Свинскомъ и другихъ уѣздахъ Рязанской губерніи и домовъ находящихся въ городѣ Скопинѣ. Кромѣ того Банкъ получаетъ въ семь году отъ Правительства разрѣшенія на выдачу изъ Банка ссудъ подъ залогъ иногороднихъ домовъ. Ссуды выдаются на сроки отъ одного года до двѣнадцати лѣтъ; проценты получаютъ по учетной и ссудной операціямъ по *восми* рублей на *сто* въ годъ.

Банкъ покупаетъ процентныя бумаги, за свой счетъ и по комиссіи третьихъ лицъ. Банкъ продаетъ упомянутыя бумаги, какъ принадлежащія ему, такъ и по комиссіи. При покупкѣ и продажѣ вышеозначенныхъ бумагъ Банкъ руководствуется биржевыми на нихъ цѣнами. Въ вознагражденіе за выполненіе со стороны Банка порученій, относительно покупки и продажи процентныхъ бумагъ, онъ получаетъ съ суммы до тысячи рублей по $\frac{1}{8}\%$, отъ тысячи до десяти тысячъ $\frac{1}{10}\%$, отъ десяти до ста тысячъ $\frac{1}{20}\%$, свыше ста тысячъ $\frac{1}{25}\%$, съ рубля.

Банкъ открытъ ежедневно, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, который въ производствѣ своихъ операцій руководствуется положеніемъ **ВЫСОЧАЙШЕ** утвержденнымъ 6 Февраля 1862 года и дополнительными къ нему правилами, изданными 16-го Мая 1866 года.

Директоръ Рыковъ.

СОДЕРЖАНІЕ

МАЙСКОЙ КНИЖКИ ЖУРНАЛА «ТРУДОВЪ КІЕВСКОЙ
ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ».

- I. Христіанскій философъ Аѣинагоръ. *К. Скворцова.*
- II. Историческій обзоръ сеймовыхъ конституцій и королевскихъ декретовъ (бывшей) польской Рѣчи Посполитой, касательно диссидентовъ. *А. Розова.*
- III. Западнорусскіе уніятскіе требники—сравнительно съ требниками православными и латинскими. *А. Хойнацкаго.*
- IV. По вопросу о преобразованіи духовныхъ заведеній. *В. Пьвицкаго.*
- V. Замѣтки по вопросу о преобразованіи духовныхъ академій. *А. В—нова.*
- VI. Извѣстіе о послѣдованіи божественнаго и священнаго умовенія, по вновь уложенному чину, съ нѣкоторымъ пространнѣйшимъ толкованіемъ.
- VII. Рѣчь предъ благодарственнымъ молебствіемъ за спасеніе жизни Государя Императора отъ покушенія на нее бывшаго 25-го мая.
- VIII. Творенія блаженнаго Іеронима. (Перев. съ лат.).

**ОТЪ РЕДАКЦІИ ТАМБОВСКИХЪ ЕПАРХІАЛЬНЫХЪ
ВѢДОМОСТЕЙ.**

Редакція покорнѣйше проситъ Общественно-Благочинныхъ, не выславшихъ до сего времени денегъ за Тамбовскія Епархіальныя Вѣдомости на 1867 годъ, послѣдить высылкою означенныхъ денегъ.

Редакторъ: Ректоръ Семинаріи Архимаандритъ Геннадій.

Съ дозволенія цензуры. 14 Юля 1867 года.

Тамбовъ. Въ Типографіи А. А. Студенецкаго, на Дворянской улицѣ.

ПРИБАВЛЕНІЕ

КЪ

ТАМБОВСКИМЪ ЕПАРХІАЛЬНЫМЪ

ВЪДОМОСТЯМЪ

15 ІЮЛЯ

№ 14.

1867 ГОДА.

НѢКОТОРЫЯ ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЯ

ПРАВОСЛАВНЫМЪ ХРИСТІАНАМЪ.

СЛОВА ПРЕОСВЯЩЕННАГО ВЕОФАНА.

III.

Недавно слышалъ я одну очень скорбную вѣсть, будто у насъ въ деревняхъ, селахъ, а то и въ городахъ мало-мало кому приходитъ забота о спасеніи души.—Тотъ собирается къ отпадению въ расколь, въ той мысли, что раскольники лучше живутъ и, стало, прямѣе идутъ ко спасенію. А прежде сего не разъ приходилось слышать: «смотри, говорятъ, какъ хорошо живутъ молоканы и особенно хлысты,—резво, степенно, честно, трудолюбиво, тогда какъ православные, тутъ же, живутъ не такъ исправно, и подвергаются разнымъ слабостямъ и порокамъ».—Такъ что, по моему отзывамъ, православный означаетъ человѣка, живущаго распущенно, предающагося страстямъ, страха Божія не имѣющаго и заботу всякую о спасеніи потерявшаго.—

Что же это такое у насъ вышло?! Весь порядокъ Божій измѣнился. И истина Божія во лжу

превратилась.—Мы—православны. Истинная вѣра Божія спасительная есть наша вѣра. Ею мы закрѣпляемъ за собою все великія обѣтованія Божіи человеку о Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ. Ради ея намъ ввѣрена истина, и намъ принадлежитъ благодать; ради ея мы сыны Отца небеснаго, а ради сыновства—наслѣдники всехъ благъ Отчихъ на вѣчное время намъ изготовленныхъ. Такъ кто хочетъ спастись, къ намъ иди; ибо у насъ есть силы, яже къ животу и благочестію; а въ другомъ мѣстѣ нигдѣ ихъ нѣтъ и не найдешь. Что же это сдѣлалось, что бѣгаютъ пребыванія среди православныхъ, какъ дѣла опаснаго, и указываютъ на нихъ уже не какъ на образцы подражанія? Хорошо, если это напраслина. Тогда вмѣстѣ съ Апостолами мы будемъ—*хулими утѣшаться* (Кор. 4, 13). А ежели?...

Но я советамъ вашимъ оставляю рѣшиться въ какой мѣрѣ справедливъ укоръ, будто живя среди насъ—православныхъ такъ распущенна и непохвальна. Самъ готовъ скорѣе предаться сѣтованію и васъ пригласить къ тому, за чѣмъ это такъ есть, за чѣмъ это дѣло у насъ дошло до того, что наше имя православное—христіанское хулимо лицами отпадающими и отпадшими отъ истины заблудившимися.

Такъ ли сему подобаетъ быть? Припомните какъ было въ началѣ. Проповѣдывали Апостолы св. вѣру, избранные внимали, обращались, возредали благодатию Духа Святаго чрезъ таинства и обновившись внутренно, въ исходищахъ жизни и внѣшно ходили потомъ въ обновленіи жизни по новымъ заповѣдямъ, правиламъ и порядкамъ. Сіе измѣненіе жизни худшей на лучшую, апостолы

непорочную, богоугодную, святую было такъ рѣзко очевидно, что Апостоль Павель не усумнился отличительною чертою христіанъ поставитъ то, что они суть чада Божія непорочна посредь рода строптива и развращена, являясь яко свѣтила въ міръ (Фил. 2, 15).

Такъ что всею совокупностію своею христіане, по вѣдѣнію ев. истины, по чистотѣ нравовъ, по взаимной любви, по отчужденію отъ всякой северны и порока, въ точности исполняли пророчество Исаи, что во дни Христа Спасителя явлена будетъ гора Божія и домъ Божій верху горы; явлена т. е. высота нравственно—религіознаго совершенства, которую увидятъ всѣ языки, восхитятся ею, и другъ друга поощряя, скажутъ: *приидите възвѣдемъ на гору Господню и въ домъ Бога Иаковля, и возвѣститъ намъ путь и поидемъ по нему.* Т. е. оставимъ язычество, худые нравы его, поидемъ къ христіанамъ, примемъ законъ ихъ непорочный и поидемъ по нему. Книга Дѣяній Апостольскихъ свидѣтельствуесть, что когда въ Іерусалимѣ, сначала три тысячи обратилось, потомъ пять, потомъ еще многое множество, сія община христіанъ явною высокою жизни духовной и привлекала, и изумляла, и ужасала всѣхъ. Послѣ и внѣ Іерусалима сущимъ христіанамъ изъ язычниковъ пиша, Апостоль Петръ похваляетъ и воодушевляетъ ихъ, говоря: предъ этимъ вы волю языческую творили, ходили въ нечистотахъ, въ похотяхъ, въ пьянствѣ, въ розлогласованіяхъ (подъ чѣмъ разумѣются пляски, пѣсни, гулянія, театральныя кривлянія), и въ прочихъ непотребностяхъ погрязали. Теперь все сіе вы бросили и положили жить по волѣ Божіей, и всѣ, видящіе зась, дивятся, что вы уже

не сходитесь въ то же блуда разліяніе, въ ту же распущенную, разгульную, похотливую и безстрашную жизнь, какъ бывало прежде, и какъ дѣлаютъ теперь все необратившіеся еще ко Христу и невступившіе въ общество христіанъ (1 Петр. 4, 3. 4). Вотъ что было! *Блика истинна, блика честна, блика праведна, блика пречиста, блика прелобезна, блика доброхвальна, аще кая добродѣтель и аще кая похвала* (Фил. 4, 8),—вотъ что было на сторонѣ христіанъ и что составляло отличительную черту ихъ жизни! Мы православные—преемники тѣхъ христіанъ, единственные преемники поистинѣ хранящіе ввѣренный имъ и намъ преданный залогъ спасенія міра. Какъ же теперь смѣютъ говорить намъ въ лице: «это народъ распущенный,—бѣжи отъ нихъ. Вотъ такіе то и такіе-то — отщепенцы заблуждшіе лучше ихъ!!»—Какъ смѣютъ?... Такъ строго слѣдовало бы спросить ихъ.... Но, можетъ быть, они укажутъ между нами на дѣла много такого, что, и нехотя, замолчишь.

Что же это такое? Сила Божія ослабѣла что ли? или благодать Божія истоцилась? Нѣтъ, такъ нельзя думать. Ибо *Господь Иисусъ вчера и днесъ Той же и во слѣки*. Такъ что же? истины Божіей нѣтъ въ насъ? Она перешла на сторону тѣхъ, коихъ считаемъ мы отступниками отъ ней?! О, да не будетъ! Выставляющимъ наши слабости на видъ, а черезъ нихъ — на позоръ имя православное, это то и хочется доказать, что т. е. у васъ худо живутъ, стало—у васъ нѣтъ истины. А я, напротивъ въ этой самой распущенности и нашемъ всестороннемъ себѣ послабленіи нахожу очевидное прѣшительное подтвержденіе того, что истина на на-

ней сторонѣ, такъ однакожь, что въ связи съ этимъ должно поставить непререкаемое обличеніе насъ въ крайнемъ нашемъ неразуміи. Вотъ какъ! Истинной православной вѣрѣ и церкви принадлежатъ непреложно всѣ обѣтованія Божіи, верхъ конхъ—наслѣдіе царства Божія. Убѣжденіе въ семъ преисполняетъ всю церковь Божию во всемъ ея и внутреннемъ и внѣшнемъ устройствѣ. И всякій православный—человѣкъ церкви Христовой, живя въ ней и ею объемлясь, преисполняется тѣмъ же убѣжденіемъ, какъ бы дышетъ симъ воздухомъ. Такъ сіе есть и должно быть. Но тутъ же начинается и ошибка. Иной не такъ пользуется симъ внутреннимъ удостовѣреніемъ, не то построяетъ на семъ основаніи. Я православный, чувствуетъ онъ въ сердцѣ своемъ. Православнымъ принадлежитъ прощеніе, очищеніе, освященіе, вселеніе, наслѣдіе царства небеснаго. Такъ и я—сынъ, и въ дому Отца моего все мое. За тѣмъ, считая сіе дѣло уже зарѣшеннымъ, такъ слагаетъ въ помысленіяхъ своихъ: чего же мнѣ еще себя беспокоить, за тѣмъ трудиться, и начинать жить, какъ живетея, ни въ чемъ себѣ не отказывая, никакихъ встрѣчающихся утѣхъ міра не чуждаясь и никакими правилами не стѣняясь. Не то ему слѣдовало задумать. Слѣдовало такъ разсудить: вотъ что мнѣ обѣтовано! Велико сіе, но несомнѣнно есть мое. Буду же всячески блюстись, чтобъ сохранить сіе наслѣдіе буду жить въ дому Отца, дающаго мнѣ сіе наслѣдіе, достойно Отца, чтобъ не прогнѣвить Его своими недостойнствами и беспорядочною жизнію, разодрать рукописание завѣщанія и лишитъ меня обѣтованнаго наслѣдія.... Такъ слѣдовало подумать, и по сему

помышленію дѣйствовать; а онъ въ неразумномъ забвеніи бросается на все похоти сердца своего. И выходитъ точь въ точь сынъ получившій богатое наслѣдство и проматывающій его.

Но какъ мотовство сего послѣдняго не отнимаетъ истины и достоинства сего наслѣдства, а только обличаетъ неразуміе наслѣдника: такъ распущенность нравовъ нѣкоторыхъ православныхъ не опровергаетъ истины и достоинства, принадлежащихъ православію обѣтованій, а только обличаетъ крайнее неразуміе распущенныхъ христіанъ. Итакъ, не говори ты мнѣ, что, поелику православные худо живутъ, то нѣтъ истины въ православіи.— Не то отсюда слѣдуетъ, а вотъ что: православнымъ даны и несомнѣнно имъ принадлежатъ обѣтованія такія великія, что мыслию исчерпать нельзя ихъ обилія и обнять ихъ величія. Слѣдовательно православные, которые живутъ слабо, нерадиво, безпечно, поблажая похотямъ сердца и дурнымъ обычаямъ мірскимъ, суетнымъ и богопротивнымъ, и чрезъ то лишаютъ себя обѣтованныхъ имъ благъ, обнаруживаютъ такое неразуміе, такое ослѣпленіе, такую недалюзоркость, что для означенія ихъ имени нѣтъ на языкѣ человѣческомъ.

Полагаю, что и вы все, и правые и неправые, согласитесь на сіе заключеніе. И нельзя иначе, какъ согласиться надо. Одно изъ двухъ остается — или себя обличить, или предать на позоръ истину православія. Облечемъ же лучше себя въ обличеніе, да неприкосновеннымъ сохранимъ свѣтлый ликъ истины Божіей. *Да будетъ Богъ истиненъ, какъ говоритъ и Апостоль, всякъ же человекъ ложь, якоже есть писано: яко да оправдишия во словеса твоя, и побѣдиши, вегда судити ти (Рим. 3, 4).*

Обличимъ себя, и поможемъ горечи сего обличенія произвести на сердца наши то спасительное дѣйствіе, какимъ дѣйствуетъ Божеское обличеніе. Обличу *ты*, и говоритъ Господь, и разожгу *ты* въ *месту*. Огнь обличенія да разожжетъ сердце наше сокрушеніемъ и понудитъ его извергнуть всякую нечистоту изъ себя, какъ растопленный металлъ извергаетъ изъ себя всякую стороннюю примѣсь.—Вы знаете, къ чему это ведетъ.... Къ тому, чтобъ сознать свои несправности, раскаяться въ нихъ и положить впродъ не подвергаться имъ. Тогда не обличеніемъ себя явимъ истину православія, а такъ, какъ являетъ чистымъ ликъ голубца вода чистая и невозмущенная. Аминь.

ФИЛОСОФСКІЯ РАЗМЫШЛЕНІЯ

О

БОЖЕСТВЕННОСТИ ХРИСТИАНСКОЙ РЕЛИГИИ

Огюста Шиколя.

VIII

О Б Ъ П С К У Ш Е Н І Я Х .

(Продолженіе.)

Собственно только философія Креста и разъяснила и примирила эти два состоянія силы и немощи. Она разомъ освѣщаетъ и глубину нашей бѣдности и высоту нашего достоинства, внушаетъ намъ, что мы по собственной природѣ нашей способны только на зло и достойны осужденія; (*) по другой сторонѣ, благодатию Божіею, мы возстановлены въ Иисусъ Христъ и призваны къ уча-

(*) Еф. 2, 3.

стию во всѣхъ дарахъ царства Божія. (*) Такимъ образомъ человечество какъ бы стоитъ между двумя полюсами,—полюсомъ своей собственной природы, которая влечетъ его къ ничтожеству, и—полюсомъ небесной благодати, которая возвышаетъ къ Богу, такъ что мы рѣшительно не имѣемъ чѣмъ гордиться, но тѣмъ больше должны смиряться и трепетать, чѣмъ высшей достигаемъ степени совершенства; съ другой стороны, мы не должны также никогда упадать духомъ при сознаніи нашей бѣдности, но съ надеждою на помощь Божию мужественно употреблять всѣ усилія выйти изъ нея, какъ бы она глубока ни была. Итакъ понятіемъ о христіанинѣ и объясняется значеніе человѣка.

Но предоставимъ Паскалю говорить здѣсь, тѣми словами, когда онъ, изобразивши безпомощность и противорѣчивость древней философіи въ двухъ главныхъ сектахъ—эпикурейской и стоической, продолжаетъ такъ: «Но имъ надлежало потерпѣть пораженіе и уничтожиться, чтобы уступить мѣсто откровенной истинѣ. Она—то соглашаетъ самыя положительныя противорѣчія съ искусствомъ, поистинѣ, Божественнымъ. Объединяя все истинное и отсѣкая все ложное въ нихъ, она съ высочайшею неземною мудростію указываетъ тотъ пунктъ, въ которомъ соглашаются противоположныя начала, представляющіяся не совмѣстимыми въ чисто человѣческихъ ученіяхъ. И вотъ въ чемъ сущность дѣла,—мудрецы міра поставляли противорѣчивыя противоположности въ одномъ и томъ же предметѣ; одни приписывали природѣ человеческой силу, а другіе—слабость тойже самой природѣ; а напро-

(**) Еф. 2, 19. 5. 6.

тивъ, вѣра научаетъ насъ поставлять то и другое въ различныхъ предметахъ: вся немощь и бѣдность принадлежатъ природѣ, вся сила и богатство духовное — Божественной благодати. Такому удивительному новому способу объединенія противоположностей могъ научить одинъ только Богъ, одинъ же Онъ могъ и выполнить его на дѣлѣ; и этотъ способъ объединенія есть не что иное, какъ образъ и слѣдствіе неизреченнаго соединенія двухъ естествъ въ одномъ лицѣ Богочеловѣка. Такимъ-то образомъ философія безсознательно приводитъ къ Богословію; и трудно не приходитъ къ нему, о какой бы истинѣ ни разсуждали; потому что оно есть средоточіе всѣхъ истинъ. Это особенно очевидно въ разсматриваемомъ случаѣ; потому что Богословіе такъ очевидно заключаетъ въ себѣ все, что есть истиннаго въ этихъ противорѣчивыхъ мнѣніяхъ. Поэтому невидно основанія, почему ни тѣ, ни другіе изъ философовъ не рѣшились послѣдовать ему. Если однихъ вполне занимаетъ мысль о высокомъ постоянствѣ челоуѣка; то ужели они представляли его выше обѣтованій Евангельскихъ, которыя суть не что иное, какъ заслуга смерти Богочеловѣка? Если же другіе скорбятъ при видѣ слабости и бѣдности природы нашей: то идея ихъ о семъ предметѣ никогда не равняется идеѣ истинной безпомощности грѣховной, противъ которой таже смерть служитъ врачевствомъ. Та и другая сторона находятъ здѣсь больше, чѣмъ желаютъ, и, что удивительнѣе всего, находятъ объединеніе самое прочное, тогда какъ онѣ не могли согласиться между собою, хоть какъ-нибудь». (*)

Такимъ-то образомъ ученіе о Крестѣ сообща-

(*) Pensées, I, art. XI, § 4.

еть намъ познаніе о насъ самихъ. Но это дѣйствіе его только второстепенное, и составляетъ какъ бы отраженіе другаго главнаго и прямаго, которымъ тоже ученіе ведетъ насъ къ познанію Бога. Здѣсь расширяется область изслѣдованія нашего.

«Я—все то, что было, что есть и что будетъ, и ни одинъ изъ смертныхъ не можетъ приподнять завѣсы, Меня скрывающей».—Это надпись на фронтоѣ перваго изъ храмовъ древняго Египта, указывающая на Божество.

Всѣ усилія послѣдующей философіи не могли приподнять этой завѣсы; и когда Христіанство проникло въ столицу древней образованности, оно также прочитало на фронтоѣ храма: *невѣдомому Богу*. «Сего—то Бога, котораго вы не знаете, я проповѣдую вамъ», сказалъ Св. Апостоль Павелъ въ ареопагѣ Аѳинскомъ, и началъ проповѣдывать о Христѣ распятомъ.

Дѣйствительно, Христіанство сняло древнюю завѣсу, закрывавшую глаза человѣческія и предало землѣ тайну вѣчности, или лучше: такъ какъ сіяніе Вѣчнаго могло бы ослѣпить насъ; то Оно облечаетъ свое Божество въ чувственные формы, которыя сколько открываютъ Его намъ, столько же и умѣряютъ Его свѣтъ. «Христіанство, говоритъ Ерекинъ, въ дѣлѣ искупленія представило въ осязательной формѣ высочайшія свойства Божества, сдѣлало ихъ видимыми для нашихъ глазъ въ существенной дѣйствительности живыхъ дѣйствій и въ тоже время въ ихъ величій и достопоклоняемомъ совершенствѣ.» Чрезъ это оно ничего не отняло у ихъ достоинства, а между тѣмъ представило ихъ соотвѣтственно нашему разумѣнію, приспособило даже къ чувствамъ че-ло-

человеческой природы; хотя онъ составляютъ предметъ удивленія и благоговѣйнаго прославленія Ангеловъ, окружающихъ престолъ Божества. (*)

Дѣйствительно, святость, правда, любовь, премоудрость и самое всемогущество Божеское, оставаясь безпредѣльными, даютъ себя на Крестѣ видѣть, осязать и какъ бы измѣрять въ образѣ дѣйствованія самаго простаго и въ тоже время самаго глубокаго.

Святость. Возвышался ли кто либо до такой идеи о святости Божеской, которая не иначе дозволяетъ человѣку приближаться къ Всесвятому, какъ когда онъ омоется кровію Божественною? Какъ вѣдать Богъ, когда алтарь Его не пріемлетъ никакихъ другихъ жертвъ, для всесоженія Ему не угодны ни самыя чистыя животныя, ни самыя совершенныя изъ тварей человѣческихъ, ни даже Ангельское существо самое высшее, но только Божественное Существо, самъ Богъ, Ему подобный и равный!! «Посему то Сынъ Божій, какъ говоритъ св. Апостоль Павелъ, входя въ міръ, говоритъ Отцу своему: жертвы и даровъ Ты не восхотѣлъ; всесоженія и жертвы за грѣхъ Ты не пріялъ, но готоваль Мнѣ тѣло, и потому Я сказалъ: вотъ Я иду.» (*) Чистотою и достоинствомъ этой безприимчивой жертвы будемъ измѣрять святость и величіе Бога. Эта первая мысль какое производитъ глубокое впечатлѣніе на совѣсть нашу и какъ вы-

(*) Essai sur la foi, par Eiskine, célèbre avocat anglais. Нигдѣ талантъ его не выразился такъ высоко, какъ въ сочиненіяхъ о Религии. De Genoude издалъ часть ихъ въ своемъ Raison du Christianisme, t. III. ed. in 4-o.

(*) Евр. 10. 5—7.

еко ставить святость долга, столь часто попираемаго страстями нашими!

Есть у Малевранша по сему предмету размышленіе особенно достойное удивленія по своей простотѣ и силѣ, въ которомъ самая высокая философія соединена съ самымъ священнымъ богословствованіемъ.

«Чтобы по разуму, говоритъ онъ, рѣшить вопросъ, какая изъ всѣхъ существующихъ Религій установлена Богомъ, надобно строго держаться понятія о Богѣ, какъ о Существовѣ совершеннѣйшемъ.» За тѣмъ Малевраншъ утверждаетъ положеніе, что Богъ, какъ высочайшая Истина, *можетъ дѣйствовать только сообразно тому, что Онъ есть*; такъ что когда Онъ дѣйствуетъ, то необходимо открываетъ внѣ Себя мысль вѣчную и неизмѣнную, состоящую въ прямомъ соотвѣтствіи съ Его свойствами и выражающую Его волю, чтобы мы поставляли себя въ такія же отношенія къ Нему.

«Но только въ воплощеніи Сына Божія и въ установленіи Религій, нами исповѣдуемой, Богъ выразилъ вполне и совершеннымъ образомъ свою мысль о самомъ Себѣ; такъ какъ въ одной этой Религій можно находить богослуженіе и богопочтеніе, имѣющія отношеніе къ различнымъ свойствамъ Божіимъ и согласныя съ мыслию о нихъ Божескою. Когда Богъ вызвалъ вселенную изъ ничтожества къ бытію, Онъ выразилъ мысль о Себѣ: Я всемогущъ. Когда Онъ привелъ въ порядокъ вселенную, то удовлетворилъ своей премудрости. Когда сотворилъ человѣка свободно-разумнаго, способнаго къ истинѣ и добродѣтели, Онъ выразилъ мысль о своей правдѣ и благодти. А

когда соединилъ Слово свое съ однимъ изъ своихъ твореній, Онъ открылъ, что Онъ *безпредѣленъ* во всѣхъ своихъ свойствахъ, что весь огромный міръ ничтоженъ въ отношеніи къ Нему, что все ничто предъ Его святостію, высочайшимъ совершенствомъ и верховнымъ величіемъ. Здѣсь-то собственно Онъ говоритъ, какъ Богъ, дѣйствуетъ сообразно тому, что Онъ есть и сообразно всему тому, что Онъ есть. Сравните, Аристъ, нашу Религію съ религіею Іудеевъ, или Магометанъ, или со всякою другою, вамъ извѣстною, и рѣшите какая изъ нихъ опредѣлительнѣе и достойнѣе Бога выражаетъ Его мысль о его свойствахъ, сообразно съ которою и мы должны составить себѣ понятіе объ ограниченности твари и верховномъ величіи Творца.

«Истинное служеніе Богу состоитъ не во внѣшности, въ не такихъ или иныхъ положеніяхъ нашего тѣла, но въ такихъ или другихъ состояніяхъ нашего духа, предстоящаго предъ Величіемъ Божескимъ, т. е. въ мысляхъ, чувствахъ и движеніяхъ душевныхъ. Но кто приноситъ Сына Божія въ жертву Отцу, кто чтитъ Бога чрезъ Іисуса Христа, тотъ самымъ этимъ дѣйствіемъ выражаетъ мысль, равную мысли Бога о Немъ самомъ. Онъ выражаетъ, говорю, изъ всѣхъ мыслей такую, которая наиболѣе точнымъ образомъ соотвѣтствуетъ Божественнымъ совершенствамъ и, преимущественно, тому высочайшему величію, или безпредѣльной святости, которая отдѣляетъ Божество отъ всего прочаго, или превозноситъ Его безконечно выше всѣхъ тварей. Слѣдовательно вѣра въ Іисуса Христа есть истинная Религія, приближеніе къ Богу чрезъ Іисуса Христа есть единственно

истинное Богослуженіе, единственный путь поставлять духъ нашъ въ положеніе, соответствующее достойному чествованію Бога и слѣдовательно могущее привлекать на насъ милостивые и благоволительные взоры Виновника всѣхъ благъ какихъ мы надѣемся. (*)

Всю силу своей мысли съ ея свѣжестію и ясностію Малекбраншъ сводитъ въ слѣдующемъ краснорѣчивомъ отрывкѣ. Мы не боимся привести его вполнѣ; такія мѣста всегда слишкомъ кратки.

«Между Безконечнымъ и конечнымъ нѣтъ отношенія и сравненія; это положеніе могло бы сдѣлаться общою мыслию. Вселенная въ сравненіи съ Богомъ—ничто и должна быть почитаема за ничто. Но только христіане, только вѣрующіе въ Божество Иисуса Христа считаютъ дѣйствительно за ничто свое собственное существо и всю неизмѣримую вселенную, составляющую предметъ нашего удивленія. Эту же мысль имѣютъ въ умѣ и философы, но не выражаютъ ее на дѣлѣ. Напротивъ, своими дѣлами они опровергаютъ эту созерцательную мысль; дерзаютъ приближаться къ Богу, какъ бы вовсе не зная, что разстояніе между Богомъ и нами безконечно. Они воображаютъ, что Богу угодно то самоизмышленное служеніе, (profane) какое они воздаютъ Ему»

(*) Эту мысль выражаетъ молитва Церкви приготовительная къ миссѣ: *Per quem (Iesum Christum) maiestatem Tuam laudant Angeli, adorant Dominationes, tremunt Potestates, Coeli, coelorumque Virtutes, ac beatae Seraphim socia exultatione concelebrant. Cum quibus et nostras voces ut admitti jubeas deprecamur, supplici confessione dicentes: Sanctus, Sanctus, Sanctus Dominus; pleni sunt coela et terra gloria tua et caet.*

Такое чествованіе они приеволяютъ себѣ только по
 слабости, или если угодно, по высокоумію. Пусть
 они умолкнутъ: ихъ благоговѣйное молчаніе лучше,
 чѣмъ ихъ слова, выражало бы ихъ созерцательную
 мысль о томъ, что такое они по отношенію къ
 Богу. Только христіанамъ должно быть позво-
 лено раскрывать уста для достойнаго, Божескаго
 прославленія Господа. Только имъ должно имѣть
 доступъ къ Его высочайшему Величію. Они-то
 по истинѣ и самихъ себя и все прочее во вселенной
 считаютъ за ничто предъ Богомъ, когда утверж-
 даютъ, что только чрезъ Иисуса Христа они дума-
 ютъ имѣть какое нибудь къ Нему отношеніе.
 Такое самоуничиженіе, въ которое поставляетъ
 ихъ собственная ихъ вѣра, даетъ имъ истинное
 значеніе предъ Богомъ. Эта мысль, выражаемая
 ими согласно съ мыслию самаго Бога, сообщаетъ
 ихъ богослуженію безконечную цѣну. Все нечисто
 предъ Богомъ и должно быть освящаемо Божест-
 вомъ Сына, чтобы сдѣлаться достойнымъ высочай-
 шей святости Отца и заслужить Его милосердіе и
 благоволеніе. Вотъ непоколебимое основаніе нашей
 святой Религіи.» (*)

Такимъ образомъ святость и безпредѣльное
 величіе Божіе нигдѣ не находятъ такого полного
 и совершеннаго выраженія, какъ въ крестномъ
 жертвоприношеніи Иисуса Христа.

Изъ этого основанія, какъ изъ свѣтоноснаго
 средоточія, равно просіяваютъ, какъ лучи, отъ солн-
 ца и другія свойства Божескія.

Правда. Какъ она поразительна на Крестѣ!

(*) Malebranche, Dernier entretien sur la metaphisique.
 edit. Charpentier, t. 1. p. 252. 253. 254.

Какой еще поразительности нужно, чтобы признать всю ея необходимость, всю непреклонность и неизбежность ея, когда она не была обезоружена даже такою невинностию и святостию самаго Сына Божія!! Если она такъ страшно дѣйствуетъ въ отношеніи къ Поручителю: то чего же не сдѣлала бы съ самимъ виновникомъ долга? Что было бы съ нами безъ этой Божественной защиты и что неизбежно послѣдуетъ съ нами, если мы по невнимательности и нерадѣнію не успѣемъ стать подъ эту защиту? Можно ли сильнѣе и глубже потрясти сердце человѣческое чувствомъ правды и ея непреклонной строгости, какъ этимъ зрѣлищемъ Бога, карающаго всею тяжестью Своего гнѣва собственнаго Сына Своего, не смотря на Его святость и Божество, карающаго единственно за то, что Онъ принялъ на Себя вину человѣческую, и потушающаго Свой праведный гнѣвъ только въ послѣдней капль Его крови? Послѣ этого одного поученія сколько должно пробудиться угрызений совѣсти! Мы сказали, что совѣсть и ея угрызения часто притупляются, замолкаютъ, усыпляются, становятся даже на сторону преступленія. Но это поразительное зрѣлище правосудія Божія—вѣнась, не зависить отъ насъ и нашей испорченности, и довольно одного взгляда на него, чтобы понять, что никто никогда не убѣжитъ отъ грознаго суда Божія. (*)

Такимъ образомъ правда Божія, равно какъ и святость, являются на Крестѣ безпредѣльными.

Въ этомъ ученіи особенно удивительна и по-

(*) Aeneid. lib. VI. Discite justitiam, moniti et non temnere Divos.

истинѣ Божественна та непостижимая простота, съ которою разомъ въ одномъ и томъ же средствѣ открываются самыя различныя свойства Божества и которая, нисколько не ослабляя ихъ безпредѣльной глубины, приспособляетъ однакоже пониманіе ихъ къ самому простому смыслу человѣческому. Такъ мы видѣли, съ какою явностію и поразительностію открылись на Крестѣ въ безпредѣльной степени святость и правда Божія. Послѣ этого казалось бы, нельзя и подумать при томъ же Крестѣ о Божеской благодати, милосердіи и любви, однакожь и онѣ здѣсь просіяваютъ въ такой степени, что подобно другимъ свойствамъ Божиимъ, превосходятъ всякія наши понятія о нихъ.

Самъ Богъ Отецъ предаетъ смерти собственнаго Сына своего, слѣдовательно любитъ человѣка больше, чѣмъ отецъ любитъ сына, и притомъ сына, въ высшей степени достойнаго любви: *такъ возлюбилъ Богъ міръ, что отдалъ Сына своего единороднаго!* (Іоан. 3. 16) Какая любовь! И самъ Сынъ, который за одно съ Отцемъ своимъ дѣйствуетъ въ этомъ великомъ дѣлѣ любви, какъ бы предупреждаетъ Его, — тогда сказалъ Я: *вотъ Я иду, и соревнують Ему въ самопожертвованіи за человѣка; какая поразительная и возвышенная идея любви!*

«Нѣтъ больше сей любви, какъ если кто положитъ душу свою за друзей своихъ» (Іоан. 15. 13), говорили Іисусъ Христосъ, указывая на свое самопожертвованіе за человѣка. Дѣйствительно, никогда и ни въ чемъ не выражается любовь съ такою поразительностію, какъ въ смерти изъ любви: *крѣпка любовь, какъ смерть.* Предъ этимъ доказательствомъ любви всякое другое исчезаетъ; и

тѣмъ возвыщеннѣйшее еще выраженіе принимаетъ она, когда смерть, понесенная за друга, сопровождается страшными муками и казнями, и когда этотъ другъ оказывается неблагодарнымъ и, бывши побужденіемъ и цѣлю самопожертвованія, дѣлается самъ виновникомъ и орудіемъ этой смерти. Это кажется уже послѣдній предѣлъ любви; сердце, равно и воображеніе отказываются и, по вѣдомому, не въ состояніи ничего больше представить и понять. Но любовь, открывшаяся на Крестѣ, все это безконечно превосходитъ.

Когда человѣкъ жертвуетъ своею жизнію за другаго, за всѣмъ тѣмъ онъ, строго говоря, не отдаетъ ему *своей жизни*, а развѣ только выручаетъ нѣсколько дней и можетъ быть нѣсколько минутъ жизни его собственной; потому что и самъ онъ по природѣ осужденъ на смерть и можетъ быть тысячу разъ заслужилъ ее предъ взоромъ высочайшаго Правосудія. Но здѣсь умирающій за другихъ на крестѣ, никогда и ни въ чемъ не былъ Самъ повиненъ смерти. Онъ есть сама присносущная Жизнь и Источникъ жизни. Равнымъ образомъ и лично Онъ былъ не только изъятъ отъ всякой вѣны нравственной, а напротивъ, Онъ есть присносущная Святость. Грѣхъ еще больше, чѣмъ смерть, никогда не могъ приражаться къ Нему и возмутить Его блаженство. И что же? изъ нѣдръ этого блаженства, этой вѣчной жизни и святости Его увлекаетъ собственная любовь, чтобы поставить Себя подъ удары Правосудія, которые были предназначены для насъ, сдѣлать Себя *смертными*, стать какъ грѣшникъ, и притомъ грѣшникъ отягченный виною всего грѣшнаго рода человеческого, чтобы въ этомъ состояніи, сугубо про-

тивномъ Его природѣ, умереть самую ужасною смертію среди двухъ злодѣевъ... Какая недосыгаемая бездна любви!!!... Не тутъ ли изъясненіе словамъ св. Апостола любви: мы познали любовь, которую имѣеть къ намъ Богъ и увѣровали въ нее. Богъ есть любовь (1 Іоан. 4, 16).

Возможно ли для совѣсти когда нибудь представить въ какомъ либо олицетвореніи столь понятномъ и близкомъ сердцу человѣческому долгъ столь любезнымъ и пріятнымъ и соединить съ этимъ представленіемъ такія живыя и въ тоже время опасныя чувствованія природы? И что значтъ побужденіе долга въ сравненіи съ этою любовью Божіею?!

Самое сотвореніе и всѣ естественныя благодѣянія любви Божіей стоятъ ниже предъ симъ жертвоприношеніемъ Крестнымъ. Вызвать человека изъ ничтожества къ бытію, возвысить его до трона творенія земнаго, чтобы съ него перевести потомъ на тронъ самаго Бога—благодѣяніе безъ сомнѣнія необъятное. Но нѣтъ такого великаго благодѣянія, которое не было бы вдвойнѣ драгоцѣнно, когда намъ возвращаютъ его послѣ потери, потому что самая потеря уже больше, чѣмъ первоначальное дарованіе, даетъ чувствовать цѣну дара. Что же сказать, когда средство, которымъ совершается этотъ возвратъ потеряннаго, само по себѣ, есть неизмѣримое приращеніе благодѣянія? А таково и есть искупленіе рода человѣческаго въ сравненіи съ его сотвореніемъ.

Черезъ сотвореніе Богъ даровалъ человѣку въ добавль только твари свои, а черезъ искупленіе еще къ тому Онъ прибавляетъ Самаго Себя, отдаетъ ему Себя, соединяясь съ человѣчествомъ, дѣлаясь че-

ловѣкомъ. Поэтому догматъ объ искупленіи сильнѣе дѣйствуетъ на сердце человѣческое, чѣмъ догматъ о сотвореніи. Богъ въ Иисусѣ Христѣ намѣетъ болѣе внутреннѣйшія права на наши души, чѣмъ Ягова, и если смѣю такъ выразиться, *Высочайшее Существо* природы и философовъ стало ниже *Всеблагото Бога* христіанъ. Богъ всеблагій—своею трогательное, близкое всякому сердцу, всякому языку, всякому взору, такое, которое, относясь больше къ инстинкту, чѣмъ къ уму, само себя оправдываетъ и даетъ себя такъ просто понимать въ этомъ умирающемъ образѣ великаго Мученика благодати, милосердія и любви къ человѣчеству.

Такъ, къ удивленію нашему, въ Христіанствѣ соединяются противоположности, это мы уже не однажды замѣчали; и всѣ истины, которыя нигдѣ не могли быть примирены между собою, хотя бы какъ нибудь, здѣсь соединяются неразрывнымъ единствомъ, хотя въ то же время выражаются въ самой высшей строгости.—Догматъ объ искупленіи представляетъ намъ идею о святости и правдѣ Божіей, самую страшную для нашей слабости. Тутъ онъ рѣшительно уничтожаетъ насъ. Ничто не приближаетъ насъ къ той пренебесной высотѣ, на которой мы можемъ имѣть доступъ къ Богу только чрезъ одного Иисуса Христа. Но въ то же время никакая религія не открываетъ для слабости человѣческой въ равной мѣрѣ и пособій со стороны милосердія и благодати Божіей. Всѣ свойства Божескія защищаются на Крестѣ: они здѣсь и раскрываются во всей ихъ безпредѣльности и соединяются въ совершеннѣйшемъ единствѣ. Можно бы сказать, что всѣ они приносятся въ жертву одно другому, такъ безусловно они всѣ здѣсь

выражаются; а между тѣмъ ни одно изъ нихъ не превосходитъ другаго, столь равное участіе принимаютъ они здѣсь всѣ. Тутъ присуща сама святость, сама правда, сама любовь, и вмѣстѣ всѣ они соединяются здѣсь въ одномъ и томъ же Лицѣ.

Поэтому здѣсь же открывається и четвертое свойство Божеское—*премудрость*. Въ этомъ великомъ дѣлѣ со всею точностію выполняются всѣ условія премудрости безпредѣльной, какою она проявилась въ устройствѣ вселенной, какъ Сама о себѣ говоритъ въ слѣдующихъ словахъ: *могущественно достигаетъ отъ одного конца до другаго и всѣмъ располагаетъ кротко*. (Прем. 8. 1)

Надобно глубже вникнуть въ эту новую мысль. Только въ рѣдкихъ случаяхъ человѣкъ можетъ придавать своимъ произведеніямъ опредѣленную степень совершенства; а когда не удается ему достигнуть этого по своему предположенію, онъ разрушаетъ свою работу и передѣлываетъ ее вновь. Совершенно иначе дѣйствуетъ Божественный Художникъ и Строитель. Все, выходящее изъ рукъ Его, носитъ на себѣ печать безпредѣльной премудрости. Когда Онъ одинъ родъ изъ своихъ созданій надѣлилъ высокимъ даромъ свободы, Онъ предоставилъ вмѣстѣ съ тѣмъ необходимую возможность самимъ, по Его указанію, распоряжаться своимъ совершенствомъ, такъ чтобы оно было плодомъ свободнаго развитія и усовершенія ихъ силъ и способностей. А когда изъ этой свободной дѣятельности ихъ, по добровольному уклоненію ея отъ Его указаній, произошло зло, возможность и осуществленіе котораго единственно зависѣло отъ сихъ же тварей: Богъ не имѣеть

нужды уничтожать ихъ и творить на мѣсто ихъ новыя, чтобы спасти общіе интересы своей славы. Онъ проявляетъ свою славу въ самомъ этомъ злѣ, извлекая изъ него добро чрезъ непостижимое сообщеніе согрѣшившимъ созданіямъ неистощимыхъ пособій и средствъ, что Вильмень называетъ въ духовномъ смыслѣ алхиміею Промысла Божія. Чѣмъ больше зло, тѣмъ чудеснѣе добро, изъ него извлекаемое. И въ этой безконечной борьбѣ между добромъ и зломъ, между порядкомъ и разстройствомъ, Богъ всегда дѣлаетъ надбавку, обращаетъ для Себя зло какъ бы въ случай больше и больше раскрывать свою премудрость и силу, являть большія и большія дѣла въ твореніи.—Такая бездна неистощимаго богатства премудрости Божіей особенно открывается въ великомъ дѣлѣ искупленія.

Міръ, служащій для насъ жилищемъ, еще, можетъ быть, не существовалъ, какъ уже зло помысломъ гордыни заразило высшія свободно-разумныя существа, за возмущеніемъ которыхъ тотчасъ же послѣдовало ихъ паденіе. Этому первому покушенію зла противъ славы Божіей, позволительно думать, мы обязаны сотвореніемъ этой прекрасной вселенной и человѣка ея царя, предназначеннаго занять мѣсто возмущившихся ангеловъ въ утраченномъ имъ блаженномъ жилищѣ. Поэтому человѣкъ сотворенъ въ состояніи невинности и благодати, но свободнымъ и, слѣдовательно, имѣвшимъ возможность грѣшить. Внушеніе зла коснулось этого новаго творенія и тѣмъ же самымъ помысломъ гордыни, которыми первоначально согрѣшили существа духовныя, и человѣкъ ниспалъ изъ своего состоянія. Отпадши отъ Бога къ самому себѣ и не находя въ себѣ

прочной опоры своему гордому самолюбию, духъ челоуѣка неудержимо стремился ниже и ниже, не умедлѣлъ отторгнуться похотию и отъ самаго себя и подпасть рабству собственной чувственности, отсюда—рабству природы виѣшней посредствомъ болѣзни и смерти. Но владычество зла, приобретаемая новые успѣхи, обращено было въ пользу несчастнаго челоуѣка; правда Божія нашла возможнымъ обратить самыя слѣдствія зла въ наказаніе и исправленіе преступника. Но ѣблагость Божія, которая также составляетъ высочайшее свойство природы Божественной, требовала явить надъ челоуѣкомъ милость высочайшую, болѣе достойную Бога всеблагаго; тѣмъ болѣе, что между преступленіемъ челоуѣка и грѣхомъ духовъ падшихъ была великая разность. Грѣхъ челоуѣка не столько былъ его собственнымъ дѣломъ добровольнымъ, какъ грѣхъ духовъ, потому что былъ совершенъ челоуѣкомъ не иначе, какъ по внушенію духа падшаго; и не столько непосредственнымъ, какъ послѣдній, потому что все грѣшное челоуѣчество участвовало въ немъ только чрезъ своего родоначальника естественнаго.

Но примирить представляющія здѣсь непреодолимыя трудности, со стороны требованій безпредѣльной благодати, готовой прощать и миловать виновнаго, и равно безпредѣльной правды, требующей неизмѣнно воздаянія преступнику, могла только одна безпредѣльная премудрость Божія.

Челоуѣкъ можетъ прощать, потому что онъ самъ не обладаетъ безусловною правдою, и его прощеніе предполагаетъ, что есть высшая правда, которая сама себѣ безусловно требуетъ удовлетворенія и печется объ интересахъ порядка и прав-

ственного. Но Богъ, Который самъ есть эта безусловная правда, выше которой нѣтъ ничего, не можетъ прощать безусловно, *туне*, никакого преступленія, не отрекшись отъ самаго Себя. Поэтому необходимо удовлетвореніе, и притомъ по той же самой причинѣ, удовлетвореніе, соответствующее требующей его правдѣ, и слѣдовательно также безконечное, какъ и она сама.

Какъ преступникъ, человѣкъ долженъ быть самъ удовлетворить этому требованію правды Божіей; но по той же самой причинѣ онъ и не въ состояніи былъ выполнить этого требованія, потому что грѣховное поврежденіе лишило его всякой заслуги предъ Богомъ. Даже и въ состояніи невинности своей онъ не могъ дать выкупа за преступленіе другаго, на примѣръ—духа падшаго, потому что отъ себя самого, какъ существа ограниченного и конечнаго, онъ не могъ ничего представить такого, что могло бы удовлетворять безконечную святость и правду Божию. Тѣмъ болѣе не могъ онъ искупить самого себя. По силѣ требованія правды Божіей онъ могъ только вѣчно подлежать слѣдствіямъ своего преступленія безъ надежды загладить ихъ причину.

Такимъ образомъ человѣкъ грѣшникъ по самой природѣ своей имѣлъ нужду въ чистомъ милосердіи и помилованіи; а правда Божія, по существу своему, необходимо требовала полнаго безпредѣльнаго удовлетворенія.

«Какая представляется здѣсь уму нашему идея правды, высшей всѣхъ нашихъ понятій, говоритъ d'Aguesseau. Правда отдаетъ каждому свое, что свойственно кому, по его природѣ и состоянію. Богу, по Его природѣ, свойственно требовать, что»

бы преступленіе человѣка было наказано; а чело-
вѣку, по его природѣ и состоянію, свойственно
ожидать прощенія и спасенія по одному дѣйствию
милосердія и благодати Божіей.»(*)

Необходимо, значитъ, найти такое средство
которое бы могло разомъ и вполне служить къ
удовлетворенію этимъ двумъ требованіямъ, столь
безусловнымъ и столь противоположнымъ между
собою, и за удовлетвореніемъ ихъ вести не только
къ полному возстановленію разстройства и повре-
жденія, причиненнаго грѣхомъ, но по обыкновен-
ному закону премудрости Божіей, къ такимъ слѣд-
ствіямъ, которыя были бы выше самаго порядка
первоначальнаго.

Вотъ задача, достойная высшей премудрости
Божіей, которая и нашла достойное ея рѣшеніе
въ нестоимыхъ сокровищахъ своихъ. Раскрытіе
этого рѣшенія достойно всего благоговѣнія наше-
го.

Совершеннѣйшее существо Божіе въ высо-
чайшемъ единствѣ своемъ пребываетъ нераздѣль-
но и всецѣло въ трехъ Божескихъ Лицахъ—Отцѣ,
Сынѣ и Святомъ Духѣ. Второе Лице Пресвятыя
Троицы, Сынъ, Слово Божіе, въ недрахъ Отца
своего предлагаетъ самого Себя въ выкупъ за че-
ловѣчество, въ очистительную жертву за грѣхъ
его. Такъ какъ Сынъ есть Богъ, во всемъ равный
Отцу своему, то цѣна Его заслугъ была бы совер-
шенно достаточна для уплаты долга, которой
требовала правда Божія. Но этимъ самопожертво-
ваніемъ Сына трудности искупленія человѣка еще
далеко не разрѣшаются; ибо если Онъ Богъ, то

(*) Reflexions divers sur Jesus Christ. T. XV, p. 478.

не можетъ страдать; а если бы и могъ Онъ пострадать, то какимъ образомъ такія страданія Его могли бытъ полезны человѣчеству, которое было бы совершенно имъ чуждо? По тому самому, что человѣкъ есть существо свободно-разумное, онъ не можетъ бытъ спасенъ помимо его вѣдома, безъ его свободнаго участія въ этомъ дѣлѣ; такое спасеніе было бы противно намѣреніямъ Творца въ разсужденіи человѣка и природѣ самаго человѣка. Не менѣе противно было бы самому существу безусловной правды Божіей принять удовлетвореніе во все чуждое преступленію и самому преступнику, которые оставались бы безнаказанны. Какъ же разрѣшить эти неразрѣшимыя затрудненія? Для этого надлежало Богу содѣлаться человѣкомъ, чтобы имѣть возможность понести страданія, на которыя осужденъ человѣкъ, и человѣку содѣлаться Богомъ, чтобы имѣть возможность совершить заслуги, требуемыя правдою Божіею; такъ какъ заслуги эти должны бытъ слѣдствіемъ страданія, то необходимо, чтобы то и другое было вмѣстѣ, то есть, надлежало принести искупительную жертву за человѣка Богочеловѣку. Это непостижимое дѣло премудрости Божіей осуществлено въ Иисусѣ Христѣ, въ Которомъ совмѣщены всѣ необходимыя для нашего искупленія условія и требованія, побѣждены и устранены всѣ трудности.

Отличительное качество дѣлъ Божіихъ—то что, въ нихъ средства и цѣли сливаются между собою, или лучше—все въ нихъ служитъ и цѣлю и средствомъ взаимно, потому все направлено и стремится къ цѣли въ поразительномъ согласіи легкости и силы, простоты и плодотворности. Особенно

открывается въ дѣлѣ искупленія. Въ воплощеніи Слово Божіе представляется соединяющимъ въ Себѣ одномъ двѣ природы, разделенныя грѣхомъ, Божескую и человѣческую, чтобы своимъ самопожертвованіемъ сблизить и примирить ихъ въ Божествѣ и человѣчествѣ, единеніемъ болѣе внутреннимъ и глубокимъ, чѣмъ грѣхъ соединился съ природою человѣческою. Принявши на Себя защититъ, съ одной стороны, всѣ права Божественнаго правосудія, а съ другой—всѣ интересы преступнаго человѣчества, Великій Ходатай выходитъ на свое чрезвычайное служеніе. И смотрите, какъ оно начинается уже выполняться съ перваго шагу: Богъ становится человѣкомъ, становится однимъ изъ рода преступниковъ, становится, если смѣемъ такъ выразиться, тварію; и этимъ первоначальнымъ уничиженіемъ своимъ Онъ сглаживаетъ первую вину грѣха человѣческаго, которая въ сущности состояла въ желаніи человека сдѣлаться равнымъ Творцу,—желаніи, возбужденномъ коварнымъ внушеніемъ падшаго духа: *будете какъ боги* (Быт. 3. 5). Гордое превозношеніе человека искупается уничиженіемъ Бога Слова: *Слово стало плотію* (Іоан. 1, 14). И какъ глубоко это уничиженіе! Богъ Слово не только становится человѣкомъ, но заимствуетъ жизнь человѣческую изъ того же источника, изъ котораго почерпываютъ ее и сами люди, изъ нѣдръ жены. Онъ Всесовершенный уничижаетъ Себя до немощей младенчества и подчиняется законамъ возрастанія въ первой порѣ человѣческой жизни, безъизвѣстность которой продолжается у Него до тридцати лѣтъ. Но тутъ еще не все; за гордостію въ паденіи человека немедленно пробудились беспорядочныя

желанія чувственныя, или тройственная похоть, и возстаніе чувственности противъ духа со всею силою было слѣдствіемъ возстанія духа противъ Бога. Для изглажденія этой второй силы грѣха Богъ Слово принятую Имъ плоть поставляетъ въ состояніе страданія. Наконецъ, по дѣйствию гордости и мятежной чувственности, человѣкъ ниспадалъ до постыдной зависимости отъ низшихъ тварей, до рабства вещамъ бездушнымъ, и подобно царю, развѣнчанному своими подданными, побуждаемый чувственностію, онъ употреблялъ все усилія, чтобы подчинить ихъ всей тяжести своего самовластія, но бореченный на смерть, силою ея онъ съ горечью въ сердцѣ принужденъ былъ навсегда разлучаться съ ними. Чтобы восполнить бездну всего этого разстройство и всей этой крайней бѣдности человечества, Богъ—Спаситель становится нищимъ и смертнымъ. Такимъ образомъ Богъ Слово, ставши человѣкомъ, прививаетъ и усваиваетъ Себѣ все слѣдствія грѣха, чтобы выжать и очистить въ нихъ весь ядъ грѣховный и на оборотъ намъ привить и усвоить все спасительныя плоды Божественной благодати, долженствующей занять мѣсто грѣха.

Но тутъ мы видимъ одно только предуготовленіе. Принявши на Себя, по человечеству, всю тяжесть немощей нашей природы, и вмѣстѣ обладая всеми совершенствами Божескими, Какъ Сынъ Божій, равный Отцу своему, Иисусъ Христосъ исходитъ какъ великая жертва на подвигъ Крестный для совершенія нашего искупленія. Въ этомъ подвигѣ Божеству и человечеству надлежало, такъ сказать, проникать взаимно другъ друга, такъ чтобы весь онъ былъ одинъ всецѣло и нераздѣльно Божескій и человѣческій. Божеству надлежало у-

ннниться до крайней бездны бѣдности человѣче-
 кой, а человѣчеству—возвыситься до участія во
 всѣхъ совершенствахъ Божеской природы, и обо-
 ннмъ этимъ противоположнымъ движеніямъ надле-
 жало совершиться въ одномъ и томъ же образѣ
 дѣйствованія, проявляться въ одномъ и томъ види-
 момъ выраженіи. Съ Іисусомъ Христомъ, во время
 страданія Его, обходились также, какъ поступали
 тогда съ презрѣнными рабами; и недовольно того,
 —Его срасняли съ самыми низкими злодѣями,
 поставили даже ниже ихъ. Онъ дѣлается иг-
 ралищемъ и посмѣшищемъ своихъ противни-
 ковъ, предметомъ оставленія и отреченія самыхъ
 друзей своихъ; изъ варварскаго желанія, какъ мож-
 но больше заклеить Его презрѣніемъ, Его от-
 личаютъ отъ другихъ двухъ преступниковъ съ
 Нимъ связанныхъ, и предають Его бичеванію, не
 просто привязываютъ, но прибиваютъ гвоздями на
 Крестъ, воздѣваютъ на голову Ему вѣнокъ изъ
 колючаго терна, напояють Его желчію, и обраща-
 ютъ въ предметъ поруганія предъ народомъ, ра-
 ди котораго Онъ умираетъ. Онъ видитъ и чувству-
 етъ сердечныя болѣзни и скорби о Немъ матери
 и друга своего, у любви которыхъ такъ жестоко и
 беспощадно Его отнимають, и даетъ имъ завѣ-
 щаніе, взаимно для нихъ обязательное. Оставлен-
 ный всѣми, Онъ не находитъ защиты и въ нѣд-
 рахъ Отца своего небеснаго, отъ Котораго изшелъ
 и Который въ сіи минуты истоцалъ надъ Нимъ
 всѣ стрѣлы своего правосудія. Словомъ, — отвер-
 женный небомъ и землею Онъ умеръ, и даже послѣ
 смерти Его воинъ копьемъ, вонзеннымъ въ бокъ
 Его, испытываетъ, не осталась ли еще искра жиз-
 ни въ Немъ... По истинѣ, тутъ всѣ роды и виды

бѣдствій и скорбей и какъ бы океанъ всѣхъ страданій человѣческихъ совокупились надъ одной Его головою, и никто столь справедливо не былъ достоинъ того имени, которымъ въ эти минуты Его называли: *се человекъ*!! Но съ другой стороны, посмотрите въ эту же картину; тутъ не человекъ только, но и Богъ. Какое тутъ полное самопожертвованіе! сколько здѣсь мужества, сколько кротости, сколько терпѣнія, сколько достоинства, сколько благодати! Какое забвеніе о самомъ Себѣ! Какъ высоко это безпомощное состояніе! Какая смерть!! Тутъ надлежитъ только благоговѣть, а не поучаться изобразить въ столь высокія совершенства, слишкомъ мало доступныя нашему разумѣнію. Здѣсь сама святость Бога въ состояніи человѣческомъ; это—Богочеловекъ. Въ какой силѣ въ этихъ необычайныхъ положеніяхъ Страдальца открывалось Его Божественное достоинство, видимо изъ того, что даже одинъ изъ Его палачей въ присутствіи своихъ безчувственныхъ товарищей неповѣдалъ Его Богомъ, говоря: *воистину Онъ былъ Сынъ Божій* (Мат. 27, 54), и въ концѣ осьмнадцатаго вѣка самый отъявленный деистъ увлеченный энтузіазмомъ, до того забылся, что сказалъ: «если смерть Сократа есть смерть мудреца; то жизнь и смерть Иисуса Христа есть жизнь и смерть Бога.» (*)

Въ силу крестной жертвы Божественнаго Посредника, человечество, прикрытое заслугами Его страданій, могло приблизиться къ Богу, величіе Котораго оно оскорбило своимъ преступленіемъ, и самъ Богъ по своему милосердію, невоспящаемому удовлетвореннымъ уже правосудіемъ, могъ при-

(*) J. J. Rousseau, Emile.

мириться съ міромъ. (**) Слава неба и міръ земли согласены; правда и милосердіе сошлись между собою и соединились въ одномъ лобзаніи, и самъ Посредникъ, Совершитель этого примиренія, воспріялъ первыя плоды его въ своемъ воскресеніи, и навсегда остается источникомъ и раздаятелемъ этихъ плодовъ, вѣчно пребывая въ нераздѣльномъ единеніи двухъ естествъ съ Божественною славою и властію.

Это величайшее дѣло премудрости Божіей, по своей силѣ и слѣдствіямъ, безпредѣльно превосходитъ силу и слѣдствія зла, имъ возстановленнаго. Станемъ ли мы разсматривать его по отношенію къ Богу? Имъ возстановляется слава и честь Божія въ безконечно высшей степени, чѣмъ та, какую воздали Творцу всѣ созданія, вышедшія изъ рукъ Его. Будемъ ли разсматривать его по отношенію къ человѣку? Имъ человѣчество превознесено неравненно выше того достоинства, съ котораго оно ниспало.

Въ самомъ дѣлѣ, если бы первый ангель стался въ томъ состояніи, въ какомъ былъ сотворенъ, если бы онъ не возсталъ противъ Бога и не увлекъ за собою къ тому же возстанію другихъ ангеловъ и человѣка, то Богу, конечно, воздавали бы честь и славу всѣ разумныя созданія; но эта честь и эта слава были бы также ограниченны, какъ ограниченны сами эти созданія, которыя, сами по себѣ будучи ничто, не могли Существо высочайшему и безпредѣльному воздавать такой чести и славы, которыя равнялись бы Его безконечному величію и были бы вполне Его достойны. Но съ

) „Богъ во Христѣ примирилъ съ Собою міръ, не вѣняющаго людямъ преступленій ихъ.“ (Кор. 5. 19.)

того времени какъ открылась тайна воплощенія, когда *второй Адамъ* загладилъ плачевныя слѣдствія паденія перваго,—Богу по истинѣ воздана и всегда воздается честь и слава вполне Его достойныя, какъ это мы видѣли изъ глубокихъ изображеній Малобранша. Здѣсь уже и Тотъ, Кто воздаетъ Божескую честь и славу, также великъ, какъ и Тотъ, Кому онѣ воздаются. Жертва, принесенная Богу и на Крестѣ, и всегда приносимая на алтаряхъ въ безкровномъ жертвоприношеніи, также безпредѣльно велика, какъ безконечно великъ Тотъ, Кому она приносится; потому что здѣсь Іисусъ Христосъ по своему собственному человѣчеству, нераздѣльно соединенному съ Его Божескою личностію, приноситъ самаго Себя въ жертву Богу Отцу своему, въ честь и славу Его, какъ равный—равному какъ безпредѣльно совершенный безпредѣльно совершенному.

Что касается человѣка, то безъ сомнѣнія, великъ онѣ былъ, когда въ чистотѣ своей невиности, увѣнчанный честью и славою, стоялъ онѣ во главѣ твореній, ему подвластныхъ, какъ царю и немного униженный предъ ангельскою природою, отражалъ въ себѣ совершенства Божества. Но какъ ни славно было для него это состояніе, однакоже искушеніе высшей чести могло еще найти доступъ въ его сердце, и онѣ палъ отъ того, что пожелалъ быть равнымъ Богу. И что же?—удивительно дѣло!—то, что было причиною его паденія, сдѣлалось плодомъ его возстановленія. Природа человѣческая въ великой тайнѣ нашего искупленія превознесена до такой высоты, что воспринята въ единство Божеской личности Сына Божія; ибо въ Іисусѣ Христѣ, какъ Богочеловѣкѣ, одна и та же Божеская личность Сына Божія нераздѣльно

неизмѣнно остается единою личностію какъ Божественнаго, такъ и человѣческаго естества Его. А въ слѣдствіе единенія вѣрующихъ съ Иисусомъ Христомъ, всѣ они, какъ бы много ихъ ни было, составляютъ, по выраженію апостольскому, одно тѣло съ Христомъ (1 Кор. 12, 5) и дѣлаются въ Немъ участниками Божественнаго естества (2 Пет. 1. 4) до того, что становятся едино съ Нимъ, какъ *члвкъ Адамъ*, едино, какъ Онъ самъ едино съ Отцемъ своимъ. Поэтому объ нихъ можно сказать не съ коварною ложью,—какъ было сказано предъ паденіемъ: *будите яко Бози*,—но истинно и дѣйствительно: *вы Бози есте* (Іоан. 10, 54).

Впрочемъ, это не значитъ, будто человечество спасается такимъ образомъ непосредственно и безъ всякаго участія съ его стороны; нѣтъ, оно спасается, также какъ и пало, посредственно чрезъ новаго Адама, подъ условіемъ свободнаго и добровольнаго съ его стороны согласія и желанія воспользоваться благодатною помощію, которая подается ему въ новомъ Адамѣ. Тутъ требуется, чтобы мы сдѣлались порожденіемъ Христа, добровольно сочленились и прильбились Его благодати, скрѣпили съ Нимъ такую духовную связь, которая, также какъ и кровь, и еще болѣе вводила бы Его въ насъ, такъ, чтобы мы были столько же христами по благодати, сколько мы—адамы по природѣ. Такимъ образомъ зависясь, сколько отъ насъ зависитъ, подражателями Ему, осуществляющими въ своей жизни и смерти Его жизнь и смерть, мы очищаемся отъ наследственнаго поврежденія нашей природы, освящаемся во всемъ существѣ своемъ, оплодотворяемся и претворяемся по началамъ искупленія, въ частности каждаго въ своей личной жизни, и подъ симъ только

условіемъ достигнемъ совершеннаго и окончательнаго возстановленія на небѣ, гдѣ осуществляются всѣ наши надежды; а безъ этого небо навсегда было бы для насъ заключено.

Такъ Крестомъ Іисуса Христа открываются для насъ не только святость, правда, любовь и благодать Бога; но въ равной степени и Его высочайшая премудрость, выразившаяся въ великомъ планѣ спасенія нашего. Наконецъ намъ остается разсмотрѣть, какъ выражается въ Крестѣ всемогущество Божіе.

То самое, что, по видимому, представляетъ Іисуса Христа распятаго безсильнымъ и возбуждаетъ презрѣніе къ Нему міра, по существу дѣла выражаетъ въ высшей степени Его могущество, обнимающее своею властію небо и землю.

Для Бога, не какъ для насъ, обладающихъ силою только относительною и во всемъ зависимою, не составляетъ, конечно, никакой трудности совершать дѣла очевидно свидѣтельствующія о Его высочайшемъ могуществѣ и власти. Ибо Онъ всемогущъ и обладаетъ независимо ни отъ кого и ни отъ чего всею полнотою могущества и власти. Для такихъ дѣлъ Ему довольно одного только естественнаго своего изволенія. Такъ въ священныхъ книгахъ, когда говорится о сотвореніи міра, это великое дѣло всегда представляется какъ бы игрою Божественнаго всемогущества, «которое облака наложило, какъ препоясаніе на волны океана и повиваетъ ихъ, какъ мать повиваетъ младенца ея рожденнаго; предъ нимъ цѣлыя міры вѣсятъ не больше какъ капля росы, висящая на былинкѣ травы» и проч. А на оборотъ, со стороны Всемогущаго ограничить самаго Себя, положить предѣлы

своей безпредѣльной силѣ, уничтожить Себя до признанія положенія самой слабости и безсилія, это представлялось бы въ самомъ Всемогущемъ свидѣтельствомъ силы и могущества высочайшаго.

Съ этой точки зрѣнія творческое слово: *да будетъ свѣтъ*, водрузившее въ пространствахъ небесныхъ безчисленные свѣтящіеся міры, это слово, какъ выраженіе всемогущества Божескаго, далеко отъ того, какъ оно выразилось въ той чертѣ страждущаго Богочеловѣка, когда на вопросъ Пилата, что имѣеть Онъ отвѣчать противъ злобныхъ клеветъ, направленныхъ противъ Него, Онъ, сущая невинность, святость и истина, увлекавшій словомъ такъ часто сей самый народъ, и совершившій для него столько чудесъ, Онъ въ это время, сколько ни клеветали на Него, молчалъ: *Иисусъ же молчалъ*. Такое молчаніе, даже со стороны человѣка несравненно сильнѣе, чѣмъ самая изящная рѣчи, несравненно поразительнѣе, чѣмъ бесѣды Сократа предъ своими судьями. А если вмѣстѣ съ тѣмъ мы примемъ во вниманіе, что это молчитъ такимъ образомъ само *Упостасное Слово*, сотворившее вселенную и теперь ее носящее своею силою и могущее однимъ изволеніемъ ее уничтожить, то какое необъятное могущество въ этомъ добровольномъ отреченіи отъ своего могущества!!! «Или ты думаешь» говорилъ Онъ Петру, отказываясь отъ неумѣстной помощи, какую сей хотѣлъ оказать Ему своимъ мечемъ, «или думаешь, что Я не могу теперь умолить Отца Моего и Онъ представитъ мнѣ болѣе, нежели двѣнадцать легіоновъ Ангеловъ»? (Матѳ. 26, 53) Очевидно, такое самоуниженіе было добровольное. Какую же оно предполагаетъ силу воли и любви со стороны Существа высочайшаго, такъ какъ Онъ

ради насъ нишелъ до такого состоянія? (Филип. 2, 7) Все Его могущество принесено было въ служеніе Его любви. Предварительно, Самъ собою рѣшившись принести Себя въ жертву, Онъ добровольно, во все продолженіе своего жертвоприношенія, подчиняется всей постепенности его совершенія, позволяя Себя взять и связать, не протѣвляясь ни поруганіямъ, ни бичеваніямъ, ни распятію на Крестѣ, ни отнятію жизни позорнѣйшею казнію смертною, и ожидая только, пока исполнится послѣднее пророчество, чтобы сказать: *все совершилось.* «Сколько величія духа въ этомъ одномъ словѣ, говоритъ d' Aguesseau! Имъ оправдывается то предсказаніе Іисуса Христа о самомъ Себѣ, когда Оно сказалъ: *никто не отниметъ жизнь Мою у Меня, но Я самъ отдаю ее. Имъю власть отдать ее, и имъю власть опять принять ее* (Іоан. 10, 18). Слѣдственно, не Иудеи и язычники, не муки и крестъ отняли у Него жизнь, а одно Его собственное изволеніе: *Онъ принесъ Себя, какъ самъ восхотѣлъ* (oblatus est, quia Ipse voluit). Только потому Онъ и умеръ, что все уже совершилось Его добровольнымъ жертвоприношеніемъ; и этимъ однимъ словомъ Онъ, такъ сказать, закалаетъ Самаго себя, не допуская другой причины своей смерти, кромѣ собственной воли, покорившейся опредѣленіямъ Отца Его небеснаго, чтобы принести Ему единственную жертву, Его достойную.» (*) Однимъ словомъ, Онъ умеръ «по собственной власти», какъ выражается Боссюэтъ. Послѣ этого понятны слова Св. Апостола Павла: *мы проповѣдуемъ Христа распятаго, Божию силу* (1 Кор. 1. 24).

(*) D' Aguesseau Reflexions diverses sur Jésus-Christ, t. XV, p. 599.

Еще въ большей ясности представляется эта истина изъ слѣдующихъ соображеній.

Считать великимъ только величіе чувственное, пышную торжественность насилія, окружающую завоевателей и царей, предъ которыми преклоняются толпы народа, составляетъ призракъ крайней бѣдности и низости нашей природы. Этого величія Иисусъ Христосъ былъ чуждъ единственно потому, что Самъ добровольно отъ него отрекался. Ибо Его хотѣли поставить Царемъ, и все умы приготовлены были въ грядущемъ Мессіи видѣть завоевателя и могущественнаго повелителя міровъ. Но Иисусъ Христосъ и пришелъ для низложенія этого именно величія, и потому Ему надлежало отвергнуть отъ Себя все въ этомъ родѣ великое. И направленный противъ этого слова Онъ принялъ какъ бы девизомъ всей своей жизни: *Я кротокъ и смиренъ сердцемъ* (Матѳ. 11, 29).

Кромѣ этого величія чувственнаго есть еще величія достоинства умственнаго. И сколько сіи послѣднія выше перваго! Они не только переживаютъ первое, но и даютъ ему жизнь и даже дѣлаютъ его бессмертнымъ въ будущемъ. «Счастливы Эсхиль, что для него былъ Гомеръ», говорилъ Александръ Македонскій. И на этомъ однакожь величій несвойственно было останавливаться Богочеловѣку. Кто изъ людей больше Иисуса Христа имѣлъ возможность наслаждаться такимъ величіемъ? Какой философъ, какой ораторъ могъ имѣть больше учениковъ, чѣмъ Онъ, увлекавшій народы непостижимою силою своего слова, исторгавшее у нихъ признаніе, что никогда человекъ не говорилъ такъ, какъ этотъ человекъ. (Иоан. 7, 46) Онъ такъ увлекалъ народы, что они слѣдовали за Нимъ въ пустыню и изъ-за-того,

чтобы только слушать Его, нерѣдко забывали о существенныхъ потребностяхъ жизни, такъ что необходимо было для накормленія проголодавшихся въ пустынь совершать чудеса. И при всей этой славѣ, чѣмъ Онъ воспользовался? Ничѣмъ. Всю славу Онъ относилъ къ Отцу своему и во свидѣльствѣ съ своей стороны неискательства чести ни своему ученію, ни своему генію, Онъ всегда говорилъ *Мое ученіе не Мое, но пославшаго Меня* (Іоан. 7. 16). Не только не подалъ Онъ своимъ примѣромъ повода къ какъйнибудь суетности ума человѣческаго, а напротивъ, Ему угодно было унижать и посрамлять ее неподражаемою простотою своего слова, грубостію своихъ учениковъ и безуміемъ своего Креста.

Есть, наконецъ, еще третій родъ достоинства и величія,—это достоинство нравственное. Добродѣтель и святость есть одно истинное величіе. Это достоинство опирается само на себя. Оно не имѣетъ нужды ни въ пышной торжественности, ни въ похвалахъ, а напротивъ, тѣмъ оно бываетъ возвышеннѣе, чѣмъ меньше извѣстно и чѣмъ больше его презираютъ и когда одна совѣсть служить ему престоломъ, а свидѣтелемъ бываетъ одинъ всевидящій Богъ. Одно это величіе свойственно Богу. Извѣстно, что лучшій изъ философовъ древности Платонъ составилъ идеаль нравственнаго величія въ чертахъ близко подходящихъ къ образу Іисуса Христа распятаго. «Не представляется ли здѣсь спрашивается по этому случаю одинъ мыслитель христіанскій, что Самъ Богъ внушилъ философу такую изумительно высокую идею добродѣтели какъ бы для того именно, чтобы осуществить ее въ лицѣ своего Сына и показать, что праведникъ

войственны иная слава, иной покой, иное блаженство, а не тѣ, какими можно пользоваться на землѣ? Но выше собственныхъ силъ человѣка было оправдать эту истину, и показать со всею очевидно-стью исполненіе ея на дѣлѣ, даже съ пожертвованіемъ собственной жизни; потому-то Богъ и предоставилъ осуществленіе этого великаго дѣла многократно обѣщанному Мессіи,—тому человѣку, который сталъ однимъ лицомъ съ Его едиnorodнымъ Сыномъ. И въ самомъ дѣлѣ, что болѣе великое можно было предоставить Богу грядущему пожить на землѣ? И что могъ Онъ совершить дѣль болѣе Его достойное, какъ показать добродѣтель во всей ея чистотѣ и вѣчное блаженство, къ которому приводятъ ее самыя крайнія бѣдствія?» (*)

И какъ просіяло въ Иисусѣ Христѣ это нравственное величіе собственно потому, что было рѣшительно чуждо всякаго другаго величія человѣческаго! И возможно ли было Ему дѣйствительно болѣе достойнымъ образомъ окружить свое святое достоинство царское, какъ уничиженіемъ и всякаго рода страданіями и имѣть для него лучшей престолъ, чѣмъ этотъ Крестъ, съ высоты котораго оно отвергаетъ и попираетъ всѣ мнимыя достоинства и отличія земныя, смиряетъ и посрамляетъ всякое превозношеніе ума человѣческаго и провозглашаетъ преступными всѣ суетныя наши удовольствія?

Такъ, по всей справедливости, можемъ говорить, вмѣстѣ съ Апостоломъ Павломъ, что *безумное* Бо-

(*) Bossuet, Histoire universelle, II-e partie.

же мудре всякой мудрости и меловьческой; и немощное Божіе сильнѣе всѣхъ силъ человеческихъ (1 Кор. 1, 25).

Въ заключеніе всего намъ остается только представить историческое сравненіе, какъ явилась эта Божественная слава и владычественное могущество Креста.

Редакторъ: Ректоръ Семинаріи Архимандритъ Геннадій.

Съ дозволенія цензуры. 14 Іюля 1867 года

Тамбовъ. Въ Типографіи А. А. Студенецкаго, на Дворянской улицѣ.